

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

ВАЛЕРИЙ
ШАМБАРОВ

ПЁТР
И МАЗЕПА

БИТВА ЗА УКРАИНУ

Русская история

Валерий Шамбаров

Петр и Мазепа. Битва за Украину

«Алисторус»

2015

Шамбаров В. Е.

Петр и Мазепа. Битва за Украину / В. Е. Шамбаров —
«Алисторус», 2015 — (Русская история)

Когда говорят о свершениях Петра Великого, обычно подразумевают прорыв России к Балтике. Но было и другое – битва за Украину. Она вызревала давно и переплелась с Северной войной. Это была битва за народ, за его душу и сознание. Куда и с кем идти? С Мазепой и силами, стоявшими за ним? Или с Россией? В XVIII в. выбор был сделан выразительный и однозначный. К сожалению, сейчас это усиленно затирается и перевирается.

Содержание

1. Пролог: «украинский вопрос»	6
2. Измены и изменники	11
3. Кое-что о чужебесии	15
4. Кто и как использовал стрельцов	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Валерий Евгеньевич Шамбаров

Петр и Мазепа. Битва за Украину

© Шамбаров В.Е., 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

1. Пролог: «украинский вопрос»

Для начала давайте уточним терминологию. Дело в том, что слово «украина» в разные времена имело совершенно разные значения. Впервые оно вошло в обиход в XII в. и понималось только в прямом смысле – «окраина». Так называли земли, примыкавшие к половецкой степи. А население нынешней Украины и России осознавало себя одним народом и называло «русскими». Хотя со временем между различными городами и областями пролегли политические границы. Киевская и Владимирская Русь распались на уделы, их захлестнуло и раздавило ордынское нашествие.

Но центров «собираения» русских земель обозначилось два. Одним стала Москва. Другим – Литва, объединившаяся с Польшей. Причем две возникшие державы оказались совершенно непохожими друг на друга. Московская Русь строилась на фундаменте Православия. А после гибели Византии она возвысилась как мировой центр православия, провозгласила строительство третьего Рима. Политической основой в Московском государстве являлась сильная централизованная власть, но она тоже опиралась на православие. Власть давалась государю от Бога для защиты веры и всех подданных. Однако и подданные обязаны были беспрекословно повиноваться ему.

Во главу угла ставилась «правда» – справедливость, соответствие христианским канонам. При Иване Грозном была сформирована оригинальная и весьма устойчивая система, земская монархия. Она отнюдь не соответствовала западному абсолютизму. Жесткая «вертикаль власти» сочеталась с широкой демократией на всех «горизонталях». В уездах, городах, волостях «мир» выбирал органы земского самоуправления, обладавшие очень солидными полномочиями. А царь при этом действительно стремился быть «батюшкой» для всех подданных. Любой человек вплоть до последнего нищего мог обратиться к нему напрямую.

Этот порядок действовал несколько столетий, развивался. При Алексее Михайловиче во дворце было даже устроено специальное «челобитное окно», всякий обиженный мог принести туда жалобу. Их читал сам царь или его доверенные лица, принимались надлежащие меры. Также был создан особый приказ тайных дел: проверять исполнение распоряжений государя, контролировать бояр, чтобы не зарывались и не притесняли народ. Факты показывают: социальная защищенность в нашей стране оказывалась гораздо выше, чем в тогдашней Европе. Каждый воевода обязан был периодически давать отчет о своем правлении. За злоупотребления должностные лица слетали со своих постов, отправлялись в Сибирь или в тюрьму.

Западные державы пошли по иному пути – расширения «свобод». Русские порядки высмеивали как «рабство». Но, опять же, не надо обманываться в терминах. В Средние века и в эпоху Возрождения западные «свободы» относились далеко не ко всем гражданам, а только к узкой верхушке общества. Аристократам, толстосумам, сановникам. Существовали для тех, кто реально мог обеспечить собственные права. На чернь «свободы» не распространялись, она была вне общества, вне морали. Для власть имущих простонародье становилось всего лишь расходным материалом, источником средств для «красивой» жизни.

Польша и Литва, объединившиеся в аристократическую республику – Речь Посполитую, в данном отношении лидировали. Здешние пань добились таких свобод, что шире уже некуда. Сами выбирали королей, диктовали им условия, вымогали пожалования, определяли законы. Но для народа это обернулось дичайшим произволом. Крепостной гнет был самым суровым, а поборы – самыми высокими в Европе! Крестьяне оказывались в полной власти землевладельцев. Современники упрекали помещиков, что они «мучат, уродуют и убивают без всякого суда своих людей». Папский нунций Руггиери отмечал, что пань, «казня крестьян ни за что, остаются свободны от всякой кары... можно смело сказать, что в целом свете нет невольника более несчастного, чем польский кмет».

Мало того, Польша стала плацдармом воинствующего католицизма. Несколько раз поднимались гонения на православную веру. И тут-то слово «украина» приобрело особую окраску. Впрочем, его значение не менялось – «окраина». В географических описаниях отмечали «Московские украины» – к ним относили Рязанщину, Тамбовщину, Северщину. Писали и про «Сибирскую Украину». А Поднепровье и Левобережье Днепра называли «Польской Украиной». Эти земли соседствовали с владениями Крымского ханства, жизнь здесь была опасной из-за постоянных набегов. Но свободной земли сколько угодно, и панского гнета не было. Люди из внутренних областей Польши и Литвы уходили сюда. Сложилась каста казаков – вольных воинов, прикрывавших границу. Некоторые аристократы стали организовывать казаков: Вишневецкие, Острожские, Ляндскородские, Ружинские. С их помощью отвоевывали собственные владения.

Но местные жители по-прежнему именовали себя «русскими». Львовщину в составе Польши официально называли «Русским воеводством». А Православие обозначали «русской верой». Кровное и духовное родство с Москвой особенно ярко проявлялось во время войн. В правление Ивана III, Василия III, Ивана Грозного Польша и Литва неоднократно сталкивались с Россией, и каждый раз наблюдалось одно и то же. Православные крестьяне встречали царских ратников как освободителей. Многие города добровольно переходили на сторону московских государей. А когда в середине XVI в. возникла Запорожская Сечь, она сперва стала служить Ивану Грозному, признавала его «своим» царем.

В Риме оценили опасную тенденцию. С 1560-х гг. координацией операций против России занялась первая в мире профессиональная спецслужба, орден иезуитов. Для удара на русских польскому королю Стефану Баторию оказали колоссальную финансовую, техническую помощь, помогли заключить союз со Швецией. Высокопоставленный иерарх и один из лучших специалистов иезуитов Антонио Посевино сам ездил к Ивану Грозному, пытался склонить его принять унию, подчинить церковь Ватикану. В 1582 г. он вернулся в Рим и представил папе Григорию XIII предложения на будущее.

Озабоченно доносил, что на Львовщине, в Подолии, на Волыни, в Литве «многие жители упорно держатся греческой веры, хотя имеют господ католиков», и во время войны молятся за московского государя, сочувствуют ему. Отсюда вытекала задача – для торжества католицизма необходимо в первую очередь оторвать от России и от Православия Украину. Выполнять ее начали сразу же. Баторий отобрал собственность у православной церкви в Полоцкой области, передал иезуитам. Во Львове организовали как бы «стихийный» захват. Накануне Рождества в 1584 г. католики с оружием ворвались в православные церкви и монастыри, выгнали священников и монахов.

Следующий польский король – Сигизмунд III вообще стал марионеткой Рима. Главным советником при нем стал иезуит Скарга. А Посевино пристроился духовником королевы! Операцию по внедрению унии они организовали хитро. Среди украинского духовенства была раздута скандальная кампания об «исправлении нравов». Выискивали компромат на священников. Под обвинения попал Киевский митрополит Оницифор Девочка, он оказался двоежёнцем. А Луцкого епископа Кирилла Тарлецкого привлекли к суду за насилие над девушкой. В 1589 г. через Киев проезжал Константинопольский патриарх Иеремия. Ему выложили жалобы, агентура иезуитов постаралась подтасовать их нужным образом. Вместо Оницифора Девочки патриарх поставил митрополитом бесцветного и безвольного Михаила Рагозу. Но другой замаранный иерарх, Тарлецкий, дал согласие сотрудничать с иезуитами. Судебное дело замяли, и его кандидатуру рекомендовали Иеремии в самых радужных красках, его поставили экзархом (наместником) Киевского митрополита.

Кроме того, по польским законам, короли имели право назначать епископов. В 1593 г. Сигизмунд III, невзирая на протесты духовенства, поставил Луцким епископом бывшего литовского сенатора Поцея. Это был проходимец, успевший побывать в нескольких протесте-

стантских сектах. Он разорился, влез в долги, а потом принял православный постриг с именем Ипатия. Поцей и Тарлецкий обработали Рагозу, уговорили подписать «грамоту об унии» и повезли в Рим. Об этом узнали православные, забушевали. Ну а король в 1596 г. созвал в Бресте Духовный собор – якобы для разбирательства, кто прав, а кто нет.

Делегатов постарались подобрать сторонники унии, при организации собора верховодил Скарга. Православных не слушали, глушили криками или выгоняли с заседаний. В результате собор разделился. Одна часть во главе с Рагозой и Поцеем приняла унию. Другая предала униатов анафеме. Но верховным-то арбитром оказался король! Ему представили оба решения, и нетрудно догадаться, какое он утвердил. А уж дальше, опираясь на постановления «собора», на Православие обрушились погромы храмов, захваты имущества. Доходило до того, что луцкий староста Симашко ввел особый налог на посещение церквей православными, а в Страстную субботу и Св. Воскресенье устроил в притворе храма танцы, приказывал гайдукам стрелять в иконы. В ответ вспыхнули восстания...

Но режиссеры коварных замыслов действовали по разным каналам. Главной опорой Православия в Польше и Литве была часть панов и шляхты. Это тоже входило в число «свобод». Если благородный пан хочет быть православным, почему бы и нет? Но иезуиты начали обрабатывать детей тех же Острожских, Вишневецких, Ляндскоронских. Они окатоличивались, опоячивались, превращались в более ярых врагов родной веры и народа, чем настоящие поляки. Соблазняли и казаков. Дурили им головы обещаниями, что уравниют в правах со шляхтой, т. е. с дворянством.

В начале XVII в. польское правительство и орден иезуитов сумели осуществить грандиозную диверсию, запустив в Россию Лжедмитриев и обрушив нашу страну в хаос Смуты. Разыгравшуюся трагедию использовали и для раскола двух ветвей русского народа. Паны и всякого рода авантюристы набирали отряды казаков, просто добровольцев, вели их на Русь пограбить. Одни погибали, но другие привозили сказочную добычу, и в походы выступали новые банды. Запорожский гетман Сагайдачный дважды приводил войска казаков, жег порубежные города России, спас наследника престола Владислава, попавшего в трудное положение.

Польская пропаганда поддерживала такие настроения. Внушала, что права и свободы можно заслужить! Главное – доблестно воевать за короля, быть верным ему. Ну а вопрос о вере можно решить вполне легитимно на заседаниях сейма. Это выглядело логичным. Если хорошо служить Польше, неужели не оценят? Неужели не отблагодарят? После русской Смуты казаки Сагайдачного храбро дрались и на другой войне, спасли страну от турецкого нашествия.

Но обещания оказались ложью. Едва отпала необходимость в казачьем ополчении, паны предпочли забыть о сладких посулах. Православных взяли притеснять так крепко, что Перемышльский епископ Исаяя Копинский даже направил своих представителей к царю Михаилу Федоровичу, просил разрешения ему и монахам подчиненных монастырей переехать в Россию. А казачьи структуры в Польше наметили вообще ликвидировать. Магнаты, чьи отцы и деды казачьими саблями отвоевали земли на Украине, больше не нуждались в них. Они теперь налаживали хозяйство, выжимали прибыли.

А казаки оставались очагом вольнолюбивых настроений, защитниками православия. Было объявлено, что казаки – это лишь 6 тыс. выделенных в «реестр». Остальные не имеют права называться казаками, должны быть простыми «хлопами». То есть крепостными. Даже гетман Сагайдачный, надеявшийся на «доброе» короля, начал понимать, что натворил не то. Он стал первым из украинских предводителей, кто тайно отправил послов к царю, предлагая договориться о переходе в российское подданство. Но в Москве помнили его походы на нашу страну, не доверяли.

Однако непомерный гнет прорывался мятежами. В 1625 г. поднялись казаки и крестьяне под предводительством Жмайла. В 1630 г. последовало восстание Тараса Трясило. В 1635–1638 гг. всю Украину перевернула цепь восстаний под предводительством Сулимы, Павлюка,

Острияницы, Полторакожуха. Подавляли их со страшной жестокостью. Истребляли подчистую население мятежных городов и сел. Предводителей подвергали жутким казням. Варшавские господа и дамы приходили полюбоваться, как их вешают на крюках под ребро, ломают кости на колесе, жарят заживо в медном быке.

Многие участники восстаний и мирные жители уходили от этих ужасов в Россию. Беженцев селили в окрестностях Харькова, Сум, Изюма, Чугуева, Острогожска – эти края принадлежали не Польше, а московскому царю. Так возникла еще одна «украина» – Слободская. Она получила свое название из-за того, что переселенцы жили в слободах, т. е. освобождались от налогов. За это они несли службу по охране границы, получали жалованье от казны. А подчинялись они Белгородскому воеводе.

Ну а для Украины после усмирения восстаний сейм принял «Ординацию» – чрезвычайные законы. Там размещались польские войска, все административные должности передавались польским чиновникам. Любые нарушения карались смертью, а Запорожскую Сечь разогнали. Народ был затерроризирован, протестовать уже не осмеливался. Зато паны сочли, что теперь им позволено все. Правда, они не любили заниматься хозяйством – предпочитали не зарабатывать деньги, а тратить на пиры, балы. Именья сдавали в аренду евреям. Те выкачивали прибыли гораздо эффективнее, чем сами поляки. Ради издевки евреям передавали и православные церкви. Они сами решали, когда и за какую мзду разрешить службу.

Народное возмущение копилось 10 лет, но и взрыв был страшным – восстание Богдана Хмельницкого. В 1648 г. взялись за оружие казаки, к ним примыкали толпы крестьян, горожан. Хмельницкий оказался талантливым военным, организатором, дипломатом. Он раз за разом громил польские войска. В поддержавших его областях установил новую систему управления, разделил их на 16 полков, а полки на сотни. Это были не только воинские, но и административные единицы. Возглавляли их полковники и сотники, а на войну выставляли, соответственно, полк или сотню. Хмельницкий сумел заключить союз с Крымским ханом. А главное, в самом начале восстания он обратился к царю Алексею Михайловичу с просьбами о помощи и принятии Украины в подданство.

В Москве его обращения восприняли поначалу осторожно. Ведь согласие означало масштабную войну. Рисковать жизнями подданных следовало обдуманно и оправданно, а не наобум. В царском правительстве знали, что восстания на Украине бывают часто. Но их подавляли раньше, чем их успевали поддержать. Алексей Михайлович сперва воздержался от вступления в войну. Но помощь начал оказывать немедленно. Поставлял оружие, боеприпасы, продовольствие, посылал деньги. К Хмельницкому были направлены отряды донских казаков – неофициально, как бы по собственной инициативе. А российские дипломаты оказывали серьезное давление на польское правительство. Настойчиво предупреждали, что не бросят в беде единоверцев, требовали найти компромисс для примирения.

Однако любые компромиссы оказывались временными. Король Ян Казимир и паны соглашались на уступки повстанцам только для того, чтобы изготвиться к новым ударам. А Украина истекала кровью. Ее союзники татары оказывались слишком коварными. В сражениях обращались в бегство. Зато по пути подчистую разоряли села, угоняя в рабство десятки тысяч людей. Победы Хмельницкого сменились поражениями. Ему навязывали все более тяжелые условия перемирий, да и их сразу нарушали.

А миролюбие Алексея Михайловича паны расценили по-своему. Утверждались в мысли, что русские только пугают, а воевать не осмелятся. В 1653 г. польский сейм принял официальное постановление о геноциде. Рассуждали: православное население Украины представляет для Речи Посполитой угрозу вечных бунтов, поэтому требуется полностью уничтожить его. Русские дипломаты доносили: «А на сейме ж приговорили и в конституции напечатали, что казаков как мочно всех снести». Королевские войска начали наступление, поголовно истребляя жителей.

Но теперь Россия вступилась. На погибель братьев не оставила. 1 октября, в Москве открылся Земский Собор – высший орган, в нем заседали представители разных сословий и уездов. Делегатов опрашивали «по чинам порознь», но мнение оказалось единогласным. «Против польского короля войну весть» и принять повстанцев «под государеву руку». Кстати, при этом вышел казус с терминологией. Кого принимать? Украину? Нет, такого обозначения страны еще не существовало. Повстанцы провозглашали себя «русскими». А Богдан Хмельницкий формально занимал только один пост. Перед восстанием запорожцы выбрали его своим гетманом, т. е. главнокомандующим. Но и жители Украины, присоединяясь к его отрядам, объявляли себя казаками. Поэтому в постановлении Земского Собора говорилось: «принять под государеву руку «гетмана Богдана Хмельницкого и все Войско Запорожское с городами и с землями».

Позже придумали другое обозначение, Малороссия. Ну а пока к Хмельницкому отправилось посольство боярина Бутурлина. Украинцы смотрели на бодро марширующих стрельцов, на гарцующую русскую конницу, рыдали от счастья. В Переяславле была назначена рада – общий совет восставших земель. Сюда собрались делегации различных городов и полков. Запорожская Сечь провела войсковой круг и проголосовала за воссоединение с Россией, 3 января прислала решение: «Даемо нашу вийсковую вам пораду».

8 (18) января 1654 г. открылась Переяславская рада. На главной площади Хмельницкий обратился к делегатам. Перечислил государства, с которыми могла бы пойти Украина: Польша, Турция, Крым, Россия. Пояснил: «Царь турецкий – басурманин... Крымский хан – тоже басурманин... Об утеснениях от польских панов не надобно вам и сказывать... А православный царь одного с нами греческого благочестия... Кроме его царской руки мы не найдем благоуспокойнейшего пристанища».

Выслушав вождя, «весь народ возопил: волим под царя восточного, православного». Рада приняла постановление, «чтоб есми во веки всем едино быть». Русские послы огласили царский указ о принятии в подданство, зачитали текст присяги – «быти им з землями и з городами под государевой высокою рукою навеки неотступно». Простонародье присягало на площади, руководство в храме Успения Пресвятой Богородицы. При этом «было в церкви всенародное множество мужского и женского полу и от многия радости плакали».

Алексей Михайлович даровал Украине полную автономию, она сохраняла свои законы и обычаи, «права и вольности», сама выбирала правителей, гетмана и старшин, получила даже право внешних сношений. На Украине не размещались царские войска, в ее внутренние дела запрещалось вмешиваться российским сановникам, она сама собирала налоги, содержала свои воинские контингенты. После Переяславской рады дворяне Бутурлина разъехались, принимали присягу по разным городам. «Летопись самовидца» рассказывала: «Присягу учинили гетман, старшина и чернь в Переяславле и во всех городах охотно с надеждою тихомирия и всякого добра».

2. Измены и изменники

В кинофильмах, художественных романах, учебниках истории сюжет о воссоединении Украины с Россией обычно завершается Переяславской радой. На самом деле рада ничего не завершила. Наоборот, она положила начало жесточайшим войнам, которым суждено было продлиться аж 27 лет. Речь Посполитая была отнюдь не слабой державой. Она охватывала Польшу, Литву, Пруссию, Белоруссию, Западную Россию – и ту же Украину. Поляки три столетия спорили с Москвой о первенстве в Восточной Европе. Еще в начале XVII в. паны сидели в Кремле и бахвалились, что с нашей страной покончено.

Теперь государевы рати вместе с казаками Хмельницкого взялись громить их. Однако русским не позволили разделаться с давними врагами. Помогать полякам начали Рим, Германская империя. Поступало щедрое финансирование. Вербовались контингенты немецких наемников, вместо растрепанных полчищ формировались новые. Кроме того, вмешалась Швеция, решила воспользоваться плодами русских побед. На стороне Польши выступило Крымское ханство – а оно являлось вассалом огромной и грозной Османской империи.

Но и Россия в середине XVII в. находилась на вершине своего могущества. В правление Михаила Федоровича и Алексея Михайловича в стране бурно развернулась промышленная революция. Бояре, купцы, предприимчивые крестьяне, даже царь и царица строили ткацкие и прядильные мануфактуры, мастерские. В Москве расширялся Пушечный двор – по тем временам очень крупное предприятие. Открылись два стекольных завода, две бумажные фабрики. Множились судоверфи, соляные варницы, разрабатывались рудники.

Московское правительство не гнушалось лучшим опытом иностранцев. Голландцам Марселису и Виниусу разрешили построить металлургические заводы в Туле. Дело пошло так успешно, что им позволили основать заводы на Ваге, Шексне, в Костроме. Но русские и сами были прекрасными хозяевами. Технологии Марселиса и Виниуса переняли отечественные производители. Металлургические заводы строили боярин Морозов, Милославские, Одоевские, Строгановы. «Допетровскую» Россию бездоказательно называли «отсталой», а между тем, она торговала не только мехами и воском. При Алексее Михайловиче она уже поставляла на экспорт пушки. До 800 орудий в год! Поставляла «за море», в «передовую» Европу.

Промышленное развитие позволяло России формировать большую и прекрасно оснащенную армию. Представление о том, будто регулярные войска в нашей стране создавал Петр, – еще одна легенда. Первые профессиональные полки за полтора столетия до него учредил Иван Грозный, это стрелецкие части. Для своего времени они были передовыми, сыграли огромную роль в победах нашей страны. Но в XVII в. западная военная наука сделала значительный шаг вперед. Выделилась шведская армия – в ней создавались постоянные полки, две трети солдат были мушкетерами, одна треть пикинерами – прикрывали стрелков от ударов конницы. Появились части кавалерии, вооруженной карабинами – драгуны. Эта армия одолевала всех врагов, в Тридцатилетней войне перемесила половину Европы.

Но и Россия не осталась в стороне от новшеств. С 1630 г. по указу царя Михаила Федоровича и его отца патриарха Филарета развернулось формирование полков нового или «иноземного строя» – по образцу шведских. Появились солдатские, драгунские, рейтарские части. Их размещали на границе. Воинов селили деревнями и слободами, платили жалованье. Проводилось их регулярное обучение, они несли пограничную службу. Но в свободное время могли заниматься хлебопашеством, ремеслами, торговлей.

В период войн за Украину количество таких полков возросло до 75–42 солдатских, 8 драгунских, 22 рейтарских, 2 полка копейщиков и 1 гусарский, общей численностью 54,5 тыс. воинов. У всех частей было единообразное вооружение, имелась уже и форма. Военнослужащие полков «нового строя» носили «немецкие» кафтаны (точнее, покрой оставался русским, но они

были короче стрелецких, до колена). Форма разных полков и родов войск отличалась по цвету, а воинские чины определялись нагрудной шнуровкой на кафтанах. Появились два «выборных» т. е. гвардейских полка – их называли по фамилиям командиров, Кравкова и Шепелева.

Русскую артиллерию исследователи признают лучшей в мире, началось серийное производство ручных гранат. Уже существовали генеральские и офицерские чины – полковники, полуполковники, ротмистры, капитаны, поручики, прапорщики. Хотя наряду с «новым строем» сохранялись стрелецкие полки. Но и их обучали по новейшим уставам и наставлениям, экипировали современными мушкетами.

Эти войска измочалили поляков, отбили Смоленск, брали Вильно и Минск. Отлупили и шведов. Заняли восточную Прибалтику. Челны донских казаков выходили в Финский залив, возле будущего Кронштадта разгромили шведскую эскадру. Доставалось и крымцам. Их вторжения на Украину оборачивались немалыми потерями.

К сожалению, ход войны определялся не только сражениями. В изрядной мере он определялся изменами. Дело в том, что отношение самих жителей Украины к переходу под руку русского государя стало неоднозначным. Простонародье власть царя в полной мере устраивала. Но в ходе борьбы за освобождение выдвинулись начальники, старшины. Они захватили замки польских магнатов, прибрали к рукам их земли. И им-то хотелось жить совсем не так, как русская знать, обязанная во всем повиноваться царю, от юности и до старости числившаяся на службе.

Хотелось стать такими же, как польские паны! Быть полновластными царьками в собственных владениях, вытворять что вздумается. Сладко проводить время на балах, охотах, заседать в сенатах и сеймах, принимать законы, выгодные для них самих. Но для этого следовало вернуться в состав Польши – если она пойдет на уступки, если допустит казачьих начальников в круг аристократов, уравнивает в правах с панами. Что ж, правительство Речи Посполитой и орден иезуитов знали о таких настроениях, умело играли на них.

В 1657 г. Богдан Хмельницкий разболелся и умер. В борьбе за власть схлестнулись две партии. «Народную» возглавлял полтавский полковник Мартын Пушкарь. «Шляхетскую» – Иван Выговский. Он был поляком, мелким шляхтичем, под Корсуном попал в плен к Хмельницкому, но перешел к нему на службу. Втерся в доверие, женился на его дочери, занял пост генерального писаря – начальника штаба. Старшины протолкнули на пост гетмана Выговского. Пушкаря он обвинил в измене и убил. А с поляками в 1658 г. подписал тайный Гадячский договор. Возвращал Украину под власть короля Яна Казимира.

Выговский призвал на помощь и крымского хана. На речке Сосновке заманил в ловушку русский конный корпус Семена Пожарского, 20 тыс. человек были истреблены. Выговский заранее договорился с ханом не брать пленных – пускай между украинцами и «москалями» ляжет кровная вражда. Но далеко не все жители Малороссии поддержали предателя. Население Киева присоединилось к русским, отразило гетмана и татар. Отряды казаков стали уходить к царским воеводам. А когда на Украину вступила армия Григория Ромодановского, большинство городов встречало ее с радостью. Открывали ворота, выдавали или побивали сторонников Выговского. К Ромодановскому присоединились все полки Левобережья Днепра.

Изменник сбежал в Польшу, но оказался там никому не нужен. Он пробовал сноситься с царем, чтобы снова вернуться в его подданство, но поляки перехватили письма и казнили его. В октябре 1659 г. в Переяславле была созвана еще одна рада. Она избрала гетманом сына покойного вождя, Юрия Хмельницкого. Малороссия заново принесла присягу царю. Но «вольности», дарованные ей, были после случившегося немного ограничены. В московском правительстве было создано специальное учреждение для контроля за здешним краем – Малороссийский приказ. В пяти крупнейших городах должны были находиться русские воеводы с гарнизонами. Впрочем, гарнизоны у них были маленькие и полномочия небольшие. Вмешиваться в местное самоуправление они не имели права. Разве что присматривали.

Увы, это не помогло. Юрий Хмельницкий не шел ни в какое сравнение со славным отцом, в народе его презрительно прозвали «Юрась-небожчик». Он изменил так же легко, как Выговский. Поляки щедро посулили, поманили, и в разгар сражений Юрий перекинулся на сторону врага. В результате под Любартом была окружена и погибла еще одна русская армия Василия Шереметева. Хотя события пошли по прежнему сценарию. Предателю отказались повиноваться Левобережье Днепра, Киев, Запорожская Сечь. Хмельницкий с поляками и татарами напал на них. На помощь пришло войско Ромодановского, прижало Юрия к Днепру и разгромило в пух и прах. Юрий растерял всех сторонников...

Но в условиях постоянных мятежей и ударов в спину Россия не смогла в полной мере реализовать плоды достигнутых побед. Войну со Швецией, невзирая на все успехи, пришлось завершить «вничью». Царские войска оставили Юрьев (Тарту) и другие города Прибалтики, занятые ими. Отказались от попыток вернуть территории, которые Швеция отобрала у нашей страны в годы Смуты, – Ижорскую землю по Неве, Карелию, крепости Орешек, Ям, Копорье.

Да и с Польшей война слишком затянулась, начались поиски компромиссного мира. А на Украине низвержение Юрия Хмельницкого отнюдь не принесло успокоения и единения. Наоборот, казачьи старшины раскололись. Левобережное начальство старалось подстроиться к Москве, выпрашивало чины и пожалования. Но правобережные полковники под власть России так и не вернулись. Проводили свои рады, избирали отдельное руководство, возобновили переговоры с поляками, соглашаясь подтвердить Гадячский договор, вернуться под власть короля.

Что ж, Алексей Михайлович учел такую позицию. Он не намеревался насильно завоевывать Украину! Он пришел помогать по приглашению самих украинцев. Если часть из них снова захотела вернуться в состав Польши – пускай будет так. Глядишь, со временем одумаются, тогда и видно будет. В 1667 г. по Андрусовскому перемирию Украина разделилась. К России отошли Левобережье и Киев – у поляков осталась западная часть страны.

Соответственно, и гетманов стало два. На Левобережье Брюховецкий, на Правобережье – Дорошенко. Причем изменили оба! В поляках разочаровались, а русскую дисциплину и порядок принимать не хотели. Оба гетмана додумались до нового варианта, как бы им сладко жить в свое удовольствие. Передались под власть турецкого султана! Перед османскими послами тайно приносили присягу. Кстати, любопытно отметить – присягали на кресте и Евангелии!

Дорошенко вместе с татарами повадился грабить Польшу. А Брюховецкий развернул агитацию, будто «москальи» намерены поработить Малороссию. Подготовил отряды верных людей, сумел обманами привлечь к себе запорожцев. В феврале 1668 г. по разным городам гетманские войска напали на русских. Перерезали всех, кого застали врасплох. Захватили 14 тыс. руб., на 74 тыс. руб. пожитков русских чиновников и воинов, 183 пушки, 142 тыс. четвертей хлеба (посланного русским правительством подкормить бедствующую Украину!) Пришла татарская орда – вместе идти на Россию.

Но два предателя, Дорошенко и Брюховецкий, враждовали между собой. Каждый желал быть единственным гетманом! Полковники приняли сторону Дорошенко, а соперника выдали ему на расправу. Брюховецкого забили насмерть дубинами. Хотя отвратительная гетманская свара возмутила рядовых казаков. Запорожцы объявили, что Дорошенко вообще нехристь и «татарскую веру принял». Войско стало расходиться кто куда.

А многие жители Малороссии и на этот раз остались верными Москве. Киев, Нежин, Чернигов, Переяславль не примкнули к восстанию, держались в осадах. На Украину двинулась царская армия Ромодановского – после хаоса и разгула мятежников большинство жителей встречали ее как избавителей. Да и соблазнившиеся одумывались, приносили повинную. Была созвана рада. Ромодановский и глава Малороссийского приказа боярин Матвеев хорошо изучили казачьих предводителей. На пост гетмана они сумели провести Ивана Самойловича – первого после Богдана Хмельницкого, кто стал честно служить России.

На Украине настала полная каша! Теперь заправляли три гетмана! «Польский» – Хоненко, «турецкий» – Дорошенко, «русский» – Самойлович. А Запорожская Сечь под руководством кошевого атамана Сирко пыталась вести самостоятельную линию. Ну а Дорошенко, теряя всякую опору, позвал на помощь своих покровителей, на Украину двинулись турецкие полчища. Поляков они раздавили, заняли Подолию, Прикарпатье. Опустошили все Правобережье, угоняя жителей в рабство. За это нашествие Дорошенко проклинали сами украинцы. Когда русские подступили к его столице, Чигирину, город взбунтовался и заставил гетмана сдаться.

Но турок даже такой поворот не смутил. Если одного ставленника не стало, они нашли другого. У них в это время в плену оказался Юрий Хмельницкий, и ему предложили роль гетмана под властью султана. Проходимец охотно согласился, принял формулировать войско. Правда, его авторитет упал слишком низко. «Войско» насчитывало лишь 150 бродяг. Но какая разница? Его титуловали «князем Малороссии» и послали 100-тысячную рать «помочь» ему сесть на престол. Однако Россия оказалась настолько сильна, что справилась и с новым противником. В сражениях под Чигирином царские войска растрепали две турецких армии, отбили в Стамбуле всякую охоту наступать на север. Только тогда на Украину пришел мир. Только тогда окончательно утвердилось – ее восточная часть остается единой с Россией.

Впрочем, еще не окончательно. Еще никто не знал – последняя битва впереди. Но именно в это время на исторической арене появились двое героев грядущей схватки. Двое героев нашей книги. Один из них – Иван Мазепа. Точнее, Ян. Он был польским шляхтичем. Получил великолепное образование в иезуитском колледже, служил при дворе короля Яна Казимира. Потом перешел в свиту одного из магнатов, но слишком увлекся супругой хозяина, тот поймал их в кровати. Хотя пан оказался добродушным, убивать не стал. Приказал вместо этого раздеть Мазепу догола, вымазать смолой, вывалить в перьях, привязать к коню задом наперед и пустить на дорогу. После такого позора оставаться в шляхетской среде было невыносимо, он ушел на Украину, присоединился к казакам. Блестящее образование и полная беспринципность позволили ему возвыситься. У Дорошенко он занял пост генерального писаря. В 1674 г. гетман послал его в Стамбул, срочно просить помощи против русских. Но в степи его поймали запорожцы. Передали царским воеводам, важного пленника доставили в Москву, и боярин Матвеев перевербовал его. Мазепа начал работать на русских.

Кстати, Матвеев был далеко не рядовым сановником. Он считался доверенным лицом государя, его другом – и даже родственником. Как раз недавно в личной жизни Алексея Михайловича произошли серьезные перемены. Семья у него была большая, вроде бы, дружная. Царица Мария Милославская принесла ему 13 детишек. Но проявился какой-то наследственный недуг. Скорее всего, скрытая болезнь была у супруги, но она отмечалась только в мужском потомстве. Дочки выглядели здоровыми, а мальчики рождались хилыми. Первенец, Дмитрий, умер годовалым. Второй, Алексей, скончался в 16 лет, Симеон в 4 года.

Оставались живыми Федор и Иван, но оба были инвалидами. Однако в 1669 г. при очередных родах Мария умерла. А через некоторое время, заехав в гости к Матвееву, царь познакомился с юной воспитанницей боярина Натальей Нарышкиной. Горячо полюбил ее и вскоре вступил во второй брак. В 1672 г. она родила здоровенького и крепенького мальчика. Царевича Петра...

3. Кое-что о чужебесии

Для западного мира во все времена было характерным представлять только свою цивилизацию «настоящей», а всех, кто не принадлежит к ней, объявлять «варварами». Пытаться переучивать, навязывать собственные стереотипы. Но и в России зарубежная пропаганда во все времена находила благодатную почву. Уж больно привлекательными выглядели западные порядки! Дома – строгая православная мораль. То нельзя, это нельзя. Дома – многочисленные обязанности перед Богом, перед государем, перед городом или деревенской общиной, перед семьей. Если нарушишь законы и обычаи, придется отвечать...

А в Европе оказывалось – то можно, и это можно. Католическая церковь, в отличие от православной, практически не ограничивала свою паству в удовольствиях. Она сама заразилась соблазнами «красивой жизни». А уж власть имущим или толстосумам легко отпускаясь любые грехи. В общем, что можешь себе позволить, то и разрешается. Если тебе по средствам напиться в кабаке и отплясывать с девками легкого поведения – пожалуйста. Если по средствам кутить во дворцах со знатными дамами – еще лучше. Обязанности для черни. А для тех, кто чего-то добился в жизни, – права.

Подобные приманки были вовсе не безобидными. В свое время аристократам Литвы очень понравился образ жизни польских панов – в результате Литва вступила в альянс с Польшей и была полностью поглощена. Но и для русской знати зарубежные «свободы» казались очень уж заманчивыми. Противники нашей страны обнаружили слабое место, умело использовали. Среди бояр и дворян появлялись изменники, перебежчики, эмигранты. Но и среди тех, кто верно служил государю, многие увлекались западничеством. Зарубежные гости рисовали свои страны в самых радужных красках, ну а русские доверчиво развешивали уши.

Любопытно, что опасность такого явления одним из первых обрисовал шпион Юрий Крижанич. Он был хорватом, католическим священником, и Ватикан направил его в Россию под видом православного серба. Крижанич пересылал за границу всевозможный «негатив» о нашей стране, грязные сплетни. Но его разоблачили и сослали в Тобольск. Иностранному агенту поневоле довелось долгое время жить среди русских, однако после этого он очень зауважал Россию. А западничество характеризовал как «чужебесие». Поучал: «Ничто не может быть более губительным для страны и народа, нежели пренебрежение своими благими порядками, законами, языком и присвоение чужих порядков и чужого языка и желание стать другим народом»...

Действительно, «свое» имелось! Самобытное, яркое! Как раз во времена Алексея Михайловича Россия достигла высочайшего расцвета культуры. Культуры еще русской, исконной, развивавшейся на национальной основе. Функционировало 5 типографий, и по общему тиражу издаваемой литературы наша страна занимала первое место в Европе! Но этого не хватало, спрос на печатную продукцию был огромным. Многие владельцы типографий в Польше и Литве специализировались на производстве книг для нашей страны. В больших городах действовали училища, которые можно было уже отнести к высшим учебным заведениям (в одной лишь Москве таких училищ было шесть).

Возводились шедевры архитектуры: великолепные храмы, мощные крепости, сказочные дворцы и терема. Создавали шедевры русские иконописцы – Симон Ушаков, Никола Павловец, Иосиф Владимиров, Семен Спиридонов и др. Неповторимые произведения искусства творили отечественные ювелиры, резчики, вышивальщицы. Сюда будет не лишним добавить и народное творчество – сказки, былины, песни, музыку.

Кстати, даже в стилях одежды русские не стремились гоняться за импортными модами. Наоборот, приезжавшие в нашу страну чужеземцы до середины XVII в. стремились переодеться в русское платье. Оно было удобнее, больше соответствовало нашему климату, да и

выглядело красивее. К сожалению, эту тенденцию пресек крутой и чересчур решительный патриарх Никон. Однажды он проезжал по Москве, благословляя народ, и заметил, что не все люди при этом падают ниц. Поинтересовался, и ему доложили – это были иностранцы. Патриарх вспылил: дескать, иноверцы «обманом» или случайным образом получают его благословение. Повелел, чтобы отныне чужеземцы ходили в своих национальных костюмах...

Но в целом ситуация с западничеством получилась парадоксальной. В период тяжелого и долгого противостояния с Польшей Россия успешно сопротивлялась «чужебесию». А когда одолела давнюю соперницу, в нашу страну широко хлынули польская культура, обычаи, нравы! Хлынули не из-за того, что были лучше и полезнее. Ведь это были обычаи и культура проигравших. Они сами по себе немало поспособствовали разъеданию Польши и ее падению. Но европейские особенности оказались для русских людей чем-то новеньким, свеженьким. И соблазнительным...

Они потекли в Россию с толпами пленных панов – поляки умели показать себя, посверкать мишурой «рыцарской чести», образования. Потекли с русскими воинами, заглянувшими в чужую жизнь. Широкими воротами для распространения зарубежных новинок стала присоединенная Украина. Здешняя казачья старшина воспитывалась на основе польской культуры, отдавала детей в европейские университеты, в иезуитские коллегии – они считались самыми лучшими учебными заведениями.

Но и враги нашей страны не остались в стороне от «культурных влияний». Специалистами ордена иезуитов уже давно были отработаны технологии воздействия на политику тех или иных государств. С одной стороны, следовало искать высокопоставленных лиц, попавших под зарубежное обаяние, обрабатывать их и превращать в свое орудие. С другой, требовалось продвигать «своих» людей в правительства и окружение монархов. Все эти механизмы были применены против России. Среди тех, кого обрабатывали, был канцлер Ордин-Нащокин. Он настолько полюбил Польшу, что доказывал необходимость братского союза, и ради пушек дружбы предлагал вернуть ей отвоєванную Украину.

А рядом с царем обозначилась другая фигура – Симеон Полоцкий. В миру его звали Самуил Гаврилович Петровский-Ситнианович. Он был одним из униатов-перекрещенцев. Окончил Киево-Могилянскую академию и Виленскую иезуитскую академию. Принял иноческий постриг, вступив в Базилианский орден. Это униатский орден «византийского обряда», посвященный Василию Великому. (Небезынтересно отметить, что орден существует и сейчас, в 2014 г. он принял активное участие в раскручивании «революции» на Украине, пропагандировал и благословлял принятие законов о европейских «свободах» – ювенальной юстиции, однополых браках и прочих извращениях). В XVII в. «свободы» еще не доходили до подобного уровня, но орден и в те времена занимал вполне определенную антироссийскую позицию.

В 1654–1655 г. царские войска одержали ряд побед и овладели всей Белоруссией. А в 1656 г. в Полоцк приехал откуда-то Симеон. Он объявил, что вернулся из униатства в православие. Учитывая солидное образование, его взяли преподавателем в школу Полоцкого православного братства. Хотя как раз в это время, в начале 1656 г., в Полоцке сосредотачивались основные силы русской армии для похода на Ригу. Ждали самого царя, и Симеон появился незадолго до его приезда. Приветствовал его пышными стихотворными восхвалениями, и Алексею Михайловичу понравилось, он заметил поэта.

В 1660 г. Полоцкий приехал в Москву. Царь принял его, с удовольствием слушал стихи и назначил придворным литератором. В 1663 г. Симеон возглавил столичную Заиконоспасскую школу – а это было привилегированное заведение, готовило квалифицированных чиновников для государственного аппарата. Полоцкий продолжал радовать государя парадными стихами, взялся организовывать первый в России театр. Алексей Михайлович высоко ценил его способности, назначил воспитателем собственных старших детей – Алексея Алексеевича, Федора

и Софьи. А между тем Симеон остался тайным униатом! Он скрыл свою принадлежность к Базилианскому ордену. Очевидно, сохранял связи и с иезуитами.

В Москве Полоцкий сумел воспитать себе помощника. Им стал один из учеников Заиконоспасской школы Семен Медведев – чиновник Приказа тайных дел, т. е. спецслужбы Алексея Михайловича, контролировавшей исполнение его распоряжений. По окончании школы Полоцкий пристроил Медведева в окружение Ордина-Нащокина, он сопровождал канцлера на все международные переговоры и конференции. Но если Ордин-Нащокин «всего лишь» безоглядно увлекся польскими влияниями и из-за этого наломал дров, то его подручный Медведев, судя по всему, работал на католическую разведку. Информировал поляков о секретах московского внешнеполитического ведомства. А через него иезуиты «подсказывали» русскому канцлеру нужные для них идеи.

Карьера обоих деятелей оборвалась одновременно. Когда полонофильские симпатии Ордина-Нащокина стали зашкаливать за рамки государственных интересов, Алексей Михайлович охладил к нему. Несколько раз выговаривал, начал ограничивать его полномочия. Но канцлер переоценил собственное значение. Во время визита польских послов он дошел до того, что бросил царю дерзкий ультиматум. Потребовал, чтобы договор составлялся по его проектам, а в противном случае пригрозил уйти в монастырь. Он перегнул палку. Государь вдруг объявил, что согласен с пострижением. Ордину-Нащокину после этого ничего не осталось делать, кроме как принять постриг в Пскове, в Крыпецком монастыре. Внешнеполитическое ведомство Алексей Михайлович передал Матвееву. А Медведев, в отличие от канцлера, знал за собой какую-то очень серьезную вину. Когда сменилось руководство Посольского приказа, он перепугался, что откроются некие его делишки, и скрылся. Несколько лет прятался в монастырях Путивля и Курска, принял там постриг с именем Сильвестра.

В 1674 г. Алексей Михайлович официально объявил старшего из сыновей, Федора, наследником престола. Хотя при дворе этот акт считали чисто формальным. Государь был полон сил, ему исполнилось 47 лет. Казалось очевидным, что он переживет больного Федора, а там и Петр подрастет, родятся другие сыновья. Но на Крещение в 1676 г. царь, как обычно, присутствовал на водосвятии и сильно простудился. Болезнь усугубилась неправильным лечением – у государя начали пускать кровь, причем в «лошадиных» дозах. Он ослабел, развилось воспаление легких.

Могло ли быть так, что Алексея Михайловича уморили преднамеренно? Или имела место обычная медицинская безграмотность? Для той эпохи она была обычной. На Западе врачей называли «подручными смерти». А кровопускания и очищения кишечника европейская медицина считала общепризнанными средствами от всех болезней! Таким лечением в свое время вогнали в гроб французских королей Франциска II, Людовика XIII, королеву Марго, кардинала Ришелье. Алексея Михайловича тоже врачевали дипломированные европейские доктора. Случайно или нарочно его «залечили» – вряд ли мы когда-нибудь узнаем.

Царь уходил из жизни по-православному. Приказал освободить из тюрем всех узников, простить все долги и недоимки. Благословил на царство Федора, но позаботился и о четырехлетнем Петре. Назначил наставниками его деда Кирилла Нарышкина, окольничих Прозоровского, Головина и Головкина. 29 января 1676 г. Алексей Михайлович отошел в мир иной.

Народное горе было безутешным. Массы людей, невзирая на лютую зиму, шли и ехали в Москву попрощаться с государем. Провожали как отца родного для всех русских. Он защищал и оберегал каждого из подданных. После себя государь оставлял могучую державу. Оставлял богатую казну, мощную армию. Оставлял нереализованные планы и мечты. Создать флот, открыть дорогу в Черное и Балтийское моря. Обрывалось великое и славное правление – а вместе с ним обрывалась целая эпоха. Наступала иная, хотя об этом еще никто не догадывался...

На трон взошел 16-летний Федор Алексеевич. У него опухали ноги, при ходьбе ему приходилось опираться на палку, он одевался с посторонней помощью, а во время приступов

его носили на руках. Помогали ему двое сверстников, постельничий Иван Языков и стольник Алексей Лихачев. Они росли вместе с Федором, все время были рядом – и стали ближайшими друзьями. Но теперь двое зеленых мальчишек оказались в роли советников царя! А рядом с ними очутилась сестра Софья. Энергичная, умная, властолюбивая. Она тоже была близка к Федору, их вместе воспитывали, они вместе сидели на уроках у Симеона Полоцкого.

Вокруг трона сразу же закипел клубок интриг. Подняли головы Милославские – родственники первой жены Алексея Михайловича. Они проявили себя людьми мелочными, злопамятными. Родственников второй жены, Нарышкиных, они ненавидели. Считали, что те оттеснили их от самых выгодных должностей. А главным врагом видели боярина Матвеева! Воспитателя царицы Натальи. В последние годы властвования Алексея Михайловича он фактически возглавлял правительство.

Теперь Милославские взялись мстить. Отца и братьев царицы Натальи отправили в ссылки. Матвеева назначили воеводой в глухое Верхотурье. Но этого показалось мало. Состряпали донос, обвиняя его в казнокрадстве и колдовстве, добивались смертной казни. Федор Алексеевич был добрым юношей, не утвердил приговор. Но у Матвеева конфисковали имущество, и вместо воеводства он угодил в ссылку в Пустозерск.

Овдовевшая Наталья всего-то пять лет наслаждалась семейным счастьем – и очутились в атмосфере общего отчуждения. Обнаглевший Языков прямо объявил царице: во дворце слишком тесно, пусть переселяется куда хочет. Но Наталья была женщиной не из робких, решила стоять за себя. Для несмышленного Петра написали специальную речь, мальчик выучил ее наизусть. Пошел к царю и произнес перед ним, сравнивал себя с изгнанным и убитым царевичем Дмитрием Угличским, а Языкова – с Борисом Годуновым. Федор был не только старшим братом, но и крестным отцом Петра, он устыдился. Языкова на время отдалил от двора, заставил извиняться.

Впрочем, эта «осечка» стала исключением. Победители спешили вознаградить себя. Поделили между собой руководящие посты. Расхватали имения, конфискованные у опальных. «Под шумок» прибирали к рукам казенные земли.

Одним из тех, кто возвысился при новой власти, стал Василий Голицын. Он служил при дворе уже 17 лет, но оставался в невысоких чинах. Алексей Михайлович не отмечал за ним каких-либо заслуг и способностей. Но Голицын был клеветником Милославских! Кроме того, он хорошо знал Симеона Полоцкого. Он в частном порядке изучал те же предметы, которые преподавал Симеон в Заиконоспасской школе – очевидно, пользовался его уроками. По убеждениям Голицын был ярким «западником», а галантные европейские манеры, которым он не преминул научиться, очень понравились Софье. Это обеспечило стремительный взлет Голицына! Из стольников его одним махом пожаловали в бояре, передали под его руководство два приказа.

Но теперь пролезали наверх именно такие! Ведь именно сейчас стали бурно прорастать семена, посеянные Симеоном Полоцким. Польскими влияниями оказались заражены сам царь, его сестра, их ближайшее окружение. Они взялись переделывать по своим вкусам всю Россию! Федор Алексеевич издал указ, рекомендовавший подданным брить бороды. Для государственных служащих официально вводилось польское платье. В «старорусской» одежде вход в Кремль был вообще запрещен. Волосы начали стричь по-польски, в кружок. Современник писал: «На Москве стали... бороды брить, сабли и кунтуши польские носить, школы заводить». В высшем свете распространились польское вольнодумство, сомнительные учения, западное изобразительное искусство, вечеринки с танцами.

Это встревожило патриарха Иоакима, он предупреждал царя об опасности необдуманных преобразований. Но не тут-то было. Полоцкий великолепно владел западным искусством богословских споров, опровергал перед Федором доводы Иоакима. А окружение внушало государю, что патриарх попросту отстал от жизни и ничего не смыслит. В результате царь недву-

смысленно велел Иоакиму не вмешиваться в светские дела. Мало того, увеличил подати с Церкви.

Рушилось не только единство государственной и духовной власти. Рушилась сама система земской державы – ее перedelывали в аристократическую, как в Польше. Дворяне стали называть себя «шляхетством», а для черни переняли польское выражение «подлый люд». Налоги взвинтили. Вместо посешной системы (по количеству обрабатываемой земли) ввели подворную – с любого двора, богатого и бедного, стали брать одинаково. Земские самоуправления в городах лишили почти всех полномочий, передали их власть воеводам. А на воеводства и прочие теплые места назначались любимцы царя и царицы, их друзья. Они ринулись хищничать и обогащаться, а связь государя с простым народом постарались пресечь. Большой Федор почти не покидал дворец, бедноту в русской одежде даже в Кремль перестали пускать. «Челобитное окно» во дворце ликвидировали, упразднили Приказ тайных дел – вельможам, дорвавшимся до кормушек, не требовалось ведомство, которое будет их контролировать.

В разгар этих реформ, в 1677 г., вынырнул и прятавшийся Сильвестр Медведев. Полоцкий не забыл его, ввел в придворные круги. Причем он предназначил для своего помощника чрезвычайно важную задачу! Предложил назначить его наставником царевича Петра. Таким образом, подрастающего претендента на престол тоже захватывали под католическое влияние. Но против такого назначения выступил патриарх. Он уже заподозрил, что обработка государственной верхушки осуществляется отнюдь не случайным образом. Без патриаршего благословения кандидатуру Медведева отвергла и мать Петра Наталья.

Ну что ж, если не удалось приставить его к царевичу, для Сильвестра нашли другую должность – поставили главным «справщиком», то бишь редактором для издания богослужебных книг. А кроме того, он полюбился Софье и вошел в круг ее друзей. Этот круг был особым. Царица умела ладить с молодыми любимцами брата, Языковым и Лихачевым. Умела опереться и на клан Мирославских. Но она понимала, что большой брат не вечен. Видела, насколько ограничены Мирославские в своих мелочных амбициях.

Царица смотрела дальше, в будущее. Постепенно она начинала играть в государстве самостоятельную роль. Даже стала появляться на заседаниях Боярской Думы. У Софьи сформировалась собственная группировка – Голицын, Полоцкий, Медведев. Те люди, кто мог поспособствовать ей в грядущей борьбе за власть. Софья уже сейчас создала себе подобие западного королевского двора. Полоцкий по-прежнему выступал наставником и советником. Голицын стал не только преданным помощником, но и фаворитом царицы. А молодой и галантный Медведев вел себя, как католический прелат – редко вспоминал о христианских устоях, зато оказался знатоком оккультных дисциплин, составлял для Софьи и царя астрологические прогнозы.

Но реформаторство проявилось не только в гороскопах и свободе нравов. Оно однозначно отразилось в государственной политике! Истекал срок Андрусовского перемирия с Польшей, развернулись переговоры о его продлении. И тут-то советники подбросили царю мысль, что в России имеется бесценный дипломат. Ордин-Нащокин! Тот самый специалист, который заключал прошлый договор, без толку пропадает в монастыре. Причем выяснилось, что бывший канцлер до сих пор не терял надежды вернуться в большую политику, сохранял обширный архив.

По приказу Федора Алексеевича Ордина-Нащокина быстренько переодели из монашеского платья в боярское, привезли в Москву. Он сразу же расцвел, загордился. Возомнил, что его мудрую линию наконец-то оценили. Выплеснул старые идеи, что с Польшей надо заключать тесный дружеский союз. Для этого необходимо вернуть ей Киев, да и судьбу остальной Украины перерешить заново. Собрать для этого конференцию всех заинтересованных держав – России, Польши, Турции и Крымского ханства.

Но кое-чего Ордин-Нащокин не понял. Невзирая на то, что молодой царь полюбил польские наряды и стихи, он оставался патриотом! Услышав предложение пожертвовать Украиной, за которую пролилось столько крови, он глубоко возмутился. Решил, что канцлер на старости лет повредился умом, что с него взять? Ордина-Нащокина увезли обратно в монастырь – так же быстро, как извлекли оттуда.

Однако тайных друзей Польши и Ватикана в Кремле хватало и без него. Перемирие продлили на очень своеобразных условиях. Речь Посполитая в прошлых договорах уже признавала Киев владением царя. Да если бы и не признавала, что она могла предпринять? Разгромленная, опустошенная, разоренная. Тем не менее, с ней достигли соглашения, что она подпишет перемирие, очередной раз «уступит» Киев, а ей в качестве «компенсации» отвалили колоссальную сумму, 200 тыс. рублей, да еще и отдали Невель, Себеж и Велиж с уездами. Три города с православным населением, которое уже четверть века жило в составе России! Федора Алексеевича сумели убедить, что это вовсе не преступление, не измена, а «успех» государевых дипломатов!

Да, реформаторы сохраняли нешуточное влияние на царя. Они чувствовали себя настолько уверенно, что Полоцкий и Медведев возглавили партию «латинствующих» среди духовенства, отстаивали католические взгляды по некоторым богословским вопросам (например, о времени пресуществления Святых Даров в ходе литургии). Добились от государя разрешения открыть новую типографию, не подконтрольную патриархии. Увлекли Федора Алексеевича проектами создания Славяно-греко-латинской академии. Изначально предполагалось, что это будет первый российский университет по западному образцу, а возглавит его Полоцкий.

Царь сам взялся сочинять устав. Писал, что выпускники получают преимущества в приеме на службу, в продвижении на руководящие должности. А выходцы из простонародья, закончив академию, смогут уравниваться в чинах с «благородными». Нетрудно представить, каким рассадником чужеземных влияний могло стать подобное заведение, но в 1680 г. Полоцкий умер. Медведев без него все-таки не обладал достаточным весом, и патриарх затормозил эти проекты.

4. Кто и как использовал стрельцов

При Федоре Алексеевиче Московская Русь достигла максимального военного могущества. В 1679 г., когда грозило вторжение турок, на южные границы вышла великолепная армия под командованием Михаила Черкасского и Бориса Шереметева – 113 тыс. пехоты и конницы, да еще 40 тыс. украинских казаков. Артиллерия насчитывала 400 стволов, в обозе везли 11 тыс. ручных гранат.

Но... это была уже инерция прежних достижений! Правление временщиков обернулось страшными злоупотреблениями. Фавориты царя и их знакомые разворовывали казну, растаскивали все, что «плохо лежит». Дошло до того, что даже московским стрельцам перестали платить жалованье. А это была придворная гвардия, их насчитывалось 22 полка.

Правда, жалованье было не единственным их заработком. Стрельцам предоставлялось право беспроцентно торговать, заниматься промыслами. Хотя такая специфика сказала не лучшим образом на боеспособности стрельцов. Они расслоились на состоятельных хозяйчиков и бедноту. Те, кто побогаче, стремились освободиться от военных походов и занятий. Для этого задабривали подношениями командиров, писарей или приплачивали товарищам, чтобы сходили вместо них.

Служба была выгодной, в полк старались записать сыновей и прочих родственников. Но сейчас невыплаты стали хроническими. Если начальники имели «лапу» в правительстве, чего им было стесняться? Они не только прибирали к рукам деньги, но и притесняли подчиненных, заставляли работать в своих личных хозяйствах. Стрельцы подали жалобу царю, и Федор поручил разобраться Языкову. Однако в деле были замешаны приятели Языкова, и он объявил челобитную клеветой. Досталось тем, кто ее подал, – их били кнутом и отправили в ссылку.

Обычных армейских полков злоупотребления коснулись еще сильнее. До них не доходило ни жалованье, ни снабжение. На обучение махнули рукой, это было никому не нужно. В полках множились «мертвые души» – командиры старались получить на них оплату, хлеб, сукно. А солдаты и драгуны, чтобы как-то прокормиться, превращались в военизированных крестьян. Аналогичным образом пошла вразнос экономика, финансы. Казенные предприятия разваливались, растаскивались, распродавались в частные руки. А частные предприниматели вынуждены были кормить взятками временщиков и их любимцев.

В народе нарастало недовольство. Резко увеличивалось число раскольников. Стоит подчеркнуть, что раскол в церкви возник уже давно, в 1650-х годах, но долгое время он не имел никакой поддержки в народе! Проповедниками раскола оставалась узкая кучка вчерашних священнослужителей, а их покровителями выступали оппозиционные аристократы: боярыня Морозова, княгиня Урусова, князь Хованский. Простые русские люди привыкли доверять церкви и патриарху. Даже Стенька Разин пытался поднимать народ под лозунгом поддержки патриарха Никона, якобы свергнутого боярами.

И только реформы Федора обеспечили массовый приток к учителям раскола. Бродячество и польские моды представлялись доказательствами «повреждения» веры. Повысились подати, приближенным царя раздавались деревни, крепостились свободные крестьяне и росло количество беглых. Из армии дезертировали солдаты. Они находили пристанище в подпольных общинах: перекрестись двумя пальцами – и тебя накормят, укроют. В глухомани множились скиты. Провозглашалось, будто уже настало «царствие антихриста». Проповедники призывали «удаляться и бегать», не платить подати. В молитвах не поминали бранью Церковь. Всех, кто посещал «никоновские» храмы, требовали перекрещивать как еретиков.

Хотя на самом-то деле духовный разброд привел не к сбережению «неповрежденной» веры, а именно к ересям. Некоторые секты дошли до жутких ритуалов коллективных саможжений. Другие собирали всякий сброд, рассылали «прелестные письма» и не скрывали,

что намерены раздуть в стране смуту. Федор Алексеевич отреагировал. Против раскольников начали высылать военные экспедиции, применять более суровые наказания. Царь созвал Освященный Собор, обсудивший меры борьбы с этой напастью. Лидер раскола протопоп Аввакум, дерзнувший написать государю, будто во сне видел его отца в аду, был «за великие хулы» сожжен вместе с тремя единомышленниками.

Но угроза восстаний оставалась вполне реальной. Опасность усугублялась и положением вокруг трона. Здоровье царя оставляло желать много лучшего, а детей у него не было. В 1680 г. он полюбил небогатую дворянку с Украины, Агафью Грушецкую. Вопреки мнениям родственников, женился на ней – и в 1681 г. молодая супруга родила сына. Но радость мгновенно оборвалась. От родов Агафья не оправилась, через три дня умерла. За ней скончался и младенец.

Кто оставался наследником? Брату Федора, Ивану Алексеевичу, исполнилось 17 лет. Но он-то и подавно не годился на царство, был почти слеп, хром, косноязычен. А там временем подрастал Петр. Царь старался, чтобы младший брат и его мать не чувствовали себя ущемленными. Наталье сохранили штат из 102 дворян, несших службу при ней, сохранили целый двор мамок и нянек, выделяли неплохое содержание.

И все-таки она чувствовала себя в Кремле неуютно. Предпочитала жить в селе Преображенском, она полюбила эту усадьбу еще при жизни мужа. Вроде бы, покинула эпицентр политической жизни. Но при новых властителях оказались обиженными не только крестьяне или стрельцы. Временщики отгеснили от власти родовитых бояр, не считались с патриархом. Теперь Иоаким стал навещать к Наталье. К ней потянулись и представители высшей аристократии – Репнины, Ромодановские, Шереметевы, Куракины. Складывалась патриотическая партия, и маленький Петр превращался в ее знамя. Хотя он-то был еще маленьким. Что-нибудь объяснять – слишком сложно. Или сболтнет где-нибудь лишнее. Серьезные разговоры предпочитали вести без него. Поэтому ситуация складывалась весьма своеобразно. С именем Петра связывались надежды, вокруг него строились планы, но самому Петру внимания почти не уделяли.

Даже с воспитателями получилось неладно. Кандидатуру Медведева отвергли, а подыскать равнозначную замену не удосужились. Боярин Соковнин посоветовал Наталье взять наставником дьяка Никиту Зотова, его и приставили к царевичу. Мать не проверяла процесс обучения, руки не доходили. А Зотов оказался не слишком прилежным педагогом, зато чрезмерно уважал спиртное. Петр был очень способным, легко схватывал основы письма, чтения, арифметики. Наставник этим пользовался, чтобы побыстрее закруглить уроки и отправить царевича играть с дворовыми детьми. А сам без помех предавался хмельным радостям. Петр рос вообще без систематического воспитания.

Некоторые историки приводят версию, будто Федор Алексеевич, похоронив Грушецкую, не хотел больше жениться, намеревался назначить наследником Петра. Правда это или легенда, придуманная сторонниками Нарышкиных, трудно судить. Но Милославские обеспокоились. Языков с Лихачевым и подавно запаниковали. Их-то в случае смерти государя однозначно ждали опалы и конфискации. Им позарез было нужно, чтобы Федор все-таки произвел сына, тогда они смогут зацепиться за ребенка в качестве опекунов.

Они принялись обхаживать государя и сосватали ему 14-летнюю родственницу Языкова, Марфушу Апраксину. Всего через полгода после кончины Агафьи Федор женился на ней. Но Марфуша была близка не только к Языкову. Как выяснилось, ее крестным являлся опальный боярин Матвеев. Юная царица замолвила словечко, и муж поверил ей, бывшая клевета расплылась по швам. Федор Алексеевич признал Матвеева невиновным, повелел вернуть из ссылки, возратить ему отнятое состояние. Вот тут-то почва под ногами Милославских зашаталась. Они проигрывали в любом случае!

Но состояние царя быстро ухудшалось, он окончательно слег. А ухаживать за братом самоотверженно взялась Софья. Она неотступно находилась возле ложа Федора, дежурила

днями и ночами. Хотя при этом все связи государя с внешним миром как-то само собой переориентировались через царевну. Софья передавала его распоряжения. Сама определяла, кого допустить к брату. А это было немаловажным, Милославские и Нарышкины готовились к схватке...

И тут-то, совсем некстати, напомнили о себе стрельцы. 23 апреля 1682 г. они подали очередную жалобу на задержки жалованья. При дворе было не до них, царь умирал! Делегата с жалобой отправили в Стрелецкий приказ. Но и чиновники разбираться не хотели. Доложили главе приказа, 80-летнему Юрию Долгорукову, что жалобщик пьян. Да и вообще обращение к царю через голову собственного начальства Долгоруков счел нарушением субординации. Приказал высесть стрельца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.